МИР ФАНТАСТИКИ

ДЖЕЙМС БОЛЛАРД

ЗАТОНУВШИЙ МИР

Звездная улица, пятая вилла

Джеймс Грэм Баллард

Аннотация

Джеймс Баллард. Звездная улица, пятая вилла

Аннотация

В далеком будущем труд поэта превращается из полумистического искусства в обыкновенное ремесло. Автору нужно только задать параметры будущего творения и компьютер изготовит любое стихотворение, сонет или поэму. Поэты обитающие в Пурпурных Песках, живут спокойной размеренной жизнью, пока там не появляется таинственная и прекрасная Аврора Дей…

Джеймс Баллард
Звездная улица, пятая вилла

ЗВЕЗДНАЯ УЛИЦА, ПЯТАЯ ВИЛЛА

Тем летом я жил на Пурпурных Песках, и каждый вечер от пятой виллы по Звездной улице ветер приносил ко мне через песчаный пустырь безумные стихи моей прекрасной соседки: комки разноцветных перфолент носились по песку словно перекати-поле. Всю ночь они плясали, шелестели, увивая перила и балясины веранды и по утрам оплетали южную стену дома до тех пор, пока я не сметал их.

Однажды я уехал на три дня на Алый Пляж и, вернувшись, увидел, что вся веранда забита клубками разноцветных лент. Стоило мне открыть дверь в дом, как они ворвались в гостиную и мигом опутали всю мебель, словно усики какой-то необычайно длинной лианы. С неделю после этого я то здесь, то там натыкался на обрывки стихов.

Несколько раз меня допекало, и я тащился через дюны, собираясь поругаться или объясниться, однако никто так ни разу и не отозвался на мои звонки. Свою соседку я видел лишь однажды, в день ее приезда. Огромный открытый «кадиллак» промчал ее по Звездной улице, длинные волосы трепетали по ветру, как покров языческой богини. Она тут же исчезла, оставив лишь ускользающее воспоминание — мгновенный

высверк загадочных глаз на белоснежном лице.

Я не понимал, почему она не открывала мне, но заметил, что всякий раз, когда я направлялся к ее вилле, воздух буквально темнел от песчаных скатов, которые со злобными криками кружили в воздухе, словно стая потревоженных летучих мышей. В последний мой визит, когда я стоял у темной стеклянной двери ее дома, безнадежно нажимая кнопку звонка, гигантский песчаный скат рухнул прямо к моим ногам.

Лишь позднее я осознал, что на Пурпурных Песках то был сезон повального безумия, и именно тогда Тони Сапфайр услышал, как поет песчаный скат, а я увидал самого бога Пана, проехавшего мимо меня в «кадиллаке»!

Потом я часто задавался вопросом: кем же была Аврора Дей на самом деле? Яркой кометой пронзая спокойное тихое небо курорта, она каждый раз представала перед жителями Звездной улицы в новом облике. Я поначалу ее считал просто красивой неврастеничкой, эксплуатирующей образ роковой женщины, а Раймонд Майо открыл в ней взрывающуюся мадонну — загадочную героиню Сальвадора Дали, — безмятежно наблюдающую за свершением грозного пророчества. Для Тони Сапфайра и прочих, окружавших ее на берегу,

она воплощала саму Астарту — древнюю алмазоокую богиню.

Никогда не забуду, как нашел ее первое стихотворение. Поужинав, я отдыхал на веранде, это мое основное занятие на Пурпурных Песках, — и вдруг увидел на песке у изгороди длинную розовую перфоленту. Поодаль колыхалось еще несколько таких лент, и около получаса я лениво следил, как легкий ветерок несет их ко мне через дюны.

На подъездной дороге к пятой вилле засветились автомобильные фары, и я понял, что в доме, пустовавшем уже много месяцев, кто-то поселился.

Когда любопытство, наконец, одолело лень, я спрыгнул через перила веранды на песок и поднял розовую ленту. Длиною около метра, она была нежной и непрочной, как лепестки розы, и так же доверчиво развернулась в руке.

Поднеся ее к глазам, я прочел: «Сравню ль я с летним днем твои черты? Ты мне милее…»

Я разжал пальцы, и лента исчезла в темноте под террасой. Нагнувшись, я осторожно поднял следующий клочок. На нем таким же замысловатым неоклассическим шрифтом было напечатано: «…пустил ладью по бурным волнам божествен-

ной стихии океана…»

Я осмотрелся. Над пустырем сгустился мрак, и соседская вилла в трехстах метрах от меня сияла призрачной диадемой. Фары машин, мчавшихся к Алому Пляжу, вырывали из темноты верхушки песчаных дюн вдоль Звездной улицы, и кусочки кварца в них светились, как драгоценная осыпь.

Я снова взглянул на ленту.

Шекспир и Эзра Паунд… Весьма необычный вкус. Я пожал плечами и вернулся на веранду.

День за днем клубки перфолент прилетали через пустырь, причем вечером, когда эта беспорядочная разноцветная паутина эффектно подсвечивалась огнем автомобильных фар, их становилось больше. Меня, впрочем, они уже не интересовали: я тогда редактировал авангардистский поэтический журнал «Девятый Вал», и у меня в доме и без того хватало перфолент и старых гранок. То, что новая соседка оказалась поэтессой, тоже не особенно удивило меня. Поэты и художники, в основном абстракционисты, и графоманы, хоть и не особенно плодовитые, — составляли большинство жителей Пурпурных Песков. Все мы в большей или меньшей степени страдали хроническим недугом пляжных бездельников — послеполуденным ничегонеде-

ланьем на верандах и пристрастием к солнечным ваннам.

Со временем эти бесконечные перфоленты начали мне надоедать. Поскольку ответа на свои многочисленные письма я так и не дождался, пришлось отправиться на пятую виллу для личной встречи.

Тут-то и рухнул с неба издыхающий песчаный скат, попытавшийся в последних судорогах уязвить меня своим хвостом. Я понял, что наша встреча вряд ли состоится.

Шофер соседки, горбун с искалеченными ступнями и лицом состарившегося сатира, — мыл ярко-красный «кадиллак». Я подошел и показал на перфоленты, висевшие на подоконниках первого этажа.

— Ветер сносит их на мою виллу, — сказал я. — Наверное, ваша хозяйка никогда не отключает свой автоверсификатор.

Посмотрев на меня, как на пустое место, он уселся за руль и взял с приборного щитка маленькую флейту.

Пока я обходил машину, он заиграл, извлекая из инструмента высокие, пронзительные звуки. Некоторое время я ждал, надеясь, что он прекратит игру но, так и не дождавшись, громко спросил:

— Вы можете передать ей, чтобы она закрывала окна?

Он никак не реагировал, даже не отнял флейту от губ.

Я наклонился, собираясь рявкнуть ему в ухо, но тут яростный взрыв ветра, родившийся за гребнем соседней дюны, обрушился на меня, засыпав глаза и забив рот песком. Протирая глаза, я поспешил прочь, а ленты змеями тянулись за мною.

Ветер стих так же внезапно, как и возник. Песок улегся, воздух опять стал прозрачным. Я прошел по аллее всего метров тридцать, и тут изумленно обнаружил, что за это время и шофер и машина исчезли.

В голове у меня стоял непонятный гул. Меня всего трясло, дыхание перехватывало. Я был близок к тому, чтобы возвратиться и излить свое негодование — меня не пустили в дом, остановили на пороге, оставили на растерзание страшному пыльному шквалу, — но тут вновь послышался знакомый свист, предвещавший смерч.

Тихий, но ясный, несущий какую-то необъяснимую угрозу, звук этот как будто окружал меня. Оглядевшись по сторонам, я увидел, что с гребней дюн по обе стороны дорожки несутся струйки песка. Не тратя времени, я повернулся и быстро

направился к себе.

Я попал в дурацкое положение, разозлился и готов был заявить официальную жалобу. Для начала я обошел вокруг дома, подобрал все перфоленты и засунул их в мусорный контейнер. Потом залез под веранду и вытащил целую охапку этой дряни.

Я наугад проглядел несколько клочков. Те же случайные отрывки и фразы из Шекспира, Водсворта, Китса, Эллиота. Видно, автоверс моей соседки был поврежден и вместо вариаций на тему классической поэзии выдавал фрагменты самих произведений, но в каком-то растерзанном виде. У меня даже мелькнула мысль позвонить в местное агентство фирмы Ай-Би-Эм и вызвать на пятую виллу наладчика.

В тот вечер я, наконец, повстречался с соседкой. Я заснул около одиннадцати, но уже через час что-то подняло меня с постели. Высоко в небе плыла полная луна, роняя на землю и окрестные дюны обманчивый слабый свет и по временам укрываясь за клочками бледно-зеленых облаков.

Я вышел на террасу и сразу увидел светящееся пятно, плывущее между дюнами. Как и те странные звуки, что издавала флейта шофера моей соседки, это пятно, казалось, было само по себе, и

я поначалу принял его за лунный отсвет.

Потом я узнал свою соседку, она медленно шла по песку. Ее длинные белые одежды развевались, плывущие по ветру волосы напоминали оперение сказочной птицы.

У ног крутились обрывки лент, над головой стремительно метались два или три песчаных ската. Она брела по полночной пустыне, никого и ничего не замечая, а за ее спиной одиноким маяком светилось окно верхнего этажа пятой виллы.

Потуже запахнув халат, я прислонился к столбу веранды и молча смотрел на нее, простив ей в этот миг и несносные ленты, и грубияна-шофера. Иногда она терялась в зеленоватой тени дюны, затем возникала опять. Слегка откинув голову, продолжала она свой путь от бульвара к песчаным холмам вокруг высохшего озера.

Она уже приближалась к длинной извилистой террасе, созданной наносами песка, когда неестественная прямизна ее пути и размеренность походки привели меня к мысли, что она движется, как лунатик.

Я напрягся, глянув на песчаные скаты, которые вились над ее головой, потом перепрыгнул через перила террасы и бросился по пескам за ней.

Острые камешки, раня босые ноги, мешали бежать, но я сумел догнать ее как раз, когда она занесла ногу над кромкой песчаного гребня. Укоротив шаг, я нагнал ее и коснулся локтя.

В метре над нами кружились и шипели скаты. Необычное свечение, принятое мною за лунный отблеск, отбрасывало, видимо, ее белое одеяние.

Я ошибался — соседка не было сомнамбулой. Она не спала, просто шла отрешенная от всего мира, погруженная в свои мысли. Черные глаза ничего не видели перед собой, белоснежное лицо с тонкими чертами было неподвижно и выражало не больше, чем мраморная маска. Глядя как бы сквозь меня, она слабо повела рукой, как бы отстраняя. Потом резко остановилась, взглянула вниз и сразу вернулась к жизни. Взгляд ее прояснился, и она, мгновенно увидев себя у самого края пропасти, шагнула назад. Испуг усилил свечение ее одежды.

Летавшие над нею скаты рванулись вверх, круги их стали шире.

— Я не хотел вас пугать, — сказал я. — Но вы слишком приблизились к обрыву.

Незнакомка покачнулась, недоуменно подняв тонкие, черные брови.

— Что? — спросила она, запинаясь. — Кто вы? —

А потом негромко, как бы расставаясь с тайными грезами, проговорила: — На мне останови свой выбор, о Парис, не на Палладе…

Женщина смолкла и гневно глянула на меня — ее яркие губы вздрагивали — и пошла прочь. Песчаные скаты снова закружились над нею едва заметными тенями.

Я подождал, пока соседка не вошла в свою виллу, и лишь потом повернул к своему дому. Посмотрев на землю, я увидел на песке, в одном из отпечатков ее следов, что-то блестящее. Это был великолепно ограненный алмаз, рядом лежал еще один. Быстро собрав с полдюжины камней, я уже раскрыл рот, чтобы позвать ее, но тут ощутил в руке что-то влажное и разжал пальцы.

На ладони, где секунду назад блестели драгоценные камни, переливалась лужица ледяной росы.

* * *

На следующий день я познакомился со своей соседкой. Позавтракав, я бездельничал в гостиной, когда увидел в окно, что к моему дому подъезжает «кадиллак». Шофер вылез из машины и, приволакивая ногу, подковылял ко входу. Рука в черной перчатке сжимала розовый конверт. Я заставил

его потомиться несколько минут, потом вышел и прямо на крыльце вскрыл письмо. Оно гласило:

«Выражаю сожаление, что была несколько резка с Вами минувшей ночью. Ваше вторжение в мои мечтания испугало меня. Я жажду искупить свою невольную неучтивость и приглашаю Вас на коктейль. Мой шофер будет у Вас в полдень.

Аврора Дей.»

Я глянул на часы. Было без пяти минут двенадцать. Видимо, предполагалось, что пяти минут мне вполне хватит, чтобы собраться.

Абсолютно равнодушный к моим чувствам шофер сосредоточил все свое внимание на рулевом колесе. Не закрывая двери, я вернулся в дом и надел белый пиджак. Уже выходя, я сунул в карман корректуру «Девятого Вала». Не успел я сесть, как машина стремительно рванулась вперед, с каждой секундой увеличивая скорость.

— Давно в Пурпурных Песках? — спросил я, адресуясь к клочкам темно-рыжей шевелюры между черным воротником и каскеткой.

Шофер как будто не слышал. На Звездной улице он внезапно свернул на встречную полосу и диким рывком обогнал идущую впереди машину.

Я повторил вопрос, выждал немного, потом резко хлопнул его по плечу черной куртки.

— Ты глухонемой или просто хам?

Он повернулся ко мне. На миг мне показалось, что зрачки у него красные; наглые глаза не скрывали презрения и злобы. Кривя рот, шофер вылил на меня ушат таких злобных проклятий, что мне оставалось лишь с отвращением отвернуться.

У пятой виллы он затормозил, вышел из машины и открыл мою дверцу, издевательским жестом приглашая подняться по черным мраморным ступеням. Примерно таким образом паук приглашает маленькую мушку к весьма занятной паутине.

Как только я вошел, шофер исчез. Я прошел мягко освещенный холл и оказался у бассейна с фонтаном. В воде безостановочно кружили карпы-альбиносы. У бассейна в шезлонге прохлаждалась моя соседка. Ее длинная белая юбка веером раскинулась по полу, драгоценное шитье в брызгах фонтана вспыхивало яркими огоньками.

Я сел. Она с любопытством осмотрела меня и отложила изящную книжку в переплете из желтой телячьей кожи — очевидно, заказное издание поэтического сборника. На полу валялось множество других книг, в основном недавно изданные поэтические антологии.

У окна под занавеской болтались обрывки перфолент, и я, подняв бокал с невысокого столика, стоящего между нами, осмотрелся вокруг в поисках автоверса.

— Увлекаетесь стихами? — спросил я, кивая на книги.

— Да, пока хватает сил.

Я засмеялся.

— Понимаю вас. Лично мне приходится читать много больше, чем я бы хотел. — Я достал из кармана корректуру «Девятого Вала» и протянул ей. — Знаете этот журнал?

Она посмотрела на титульный лист так мрачно и недоверчиво, что я перестал понимать, зачем вообще она позвала меня к себе.

— Знаю. Гадость, правда ведь? «Пол Рэнсом», — прочла она. — Это вы? Вы — редактор этого?.. Удивительно…

Она говорила это с каким-то странным выражением, как будто раздумывала, что же ей теперь делать. Казалось, в душе ее шла какая-то борьба. По мере того как она все больше узнавала обо мне, на ее неподвижном, как маска, лице то загорались, то угасали вспышки интереса. Это напоминало скачки яркости на старинной кинопленке.

— Может быть, вы расскажете о своей работе, — попросила она. — Уж вы-то должны знать, что происходит с современной поэзией. Почему она становится все хуже и хуже?

Я пожал плечами.

— Наверное, причина во вдохновении. Я и сам раньше писал, причем немало. Но желание творить исчезло, едва я смог приобрести автоверс. Прежние поэты всю свою жизнь отдавали совершенствованию мастерства. Теперь техника версификации сведена к подбору нужных клавиш. Задаются размер, рифмы, аллитерации — и уже ни к чему самопожертвование, поиски идеала, отрешенность…

Я умолк под ее пристальным, пожалуй, даже настороженным взглядом.

— Я читал некоторые ваши стихи, — сказал я. — Возможно, я несколько бестактен, но мне кажется, что ваш версификатор неисправен.

Ее глаза гневно сверкнули, она отвернулась.

— У меня нет этих дурацких машин. Господи, да неужто вы могли подумать, что я буду пользоваться чем-то таким?

— Откуда же берутся перфоленты, которые прилетают ко мне каждый вечер? — спросил я. — На них стихи.

— Неужели? — проговорила она рассеянно. — Не представляю…

Она посмотрела на книги, разбросанные по полу.

— Я никогда не собиралась писать стихи… жизнь вынудила меня. Кто-то ведь должен спасать гибнущее искусство.

Я окончательно растерялся. Ведь я прекрасно знал, что большая часть стихотворений, прилетавших ко мне с ветром, написаны давным-давно.

Аврора подняла взгляд и улыбнулась.

— Я пришлю вам кое-что, — сказала она.

* * *

Первая посылка поступила уже на следующее утро. Стихи привез шофер красного «кадиллака». Они были напечатаны изящным шрифтом на великолепной бумаге ин-кварто и даже украшены бантом. Такую изящную рукопись читать много приятнее, чем традиционное почтовое отправление в виде рулона перфоленты.

Сами стихи, однако, оказались совершенно неудобочитаемыми. Их было шесть: два сонета под Петрарку, одна ода и три верлибра. Все они пугали и одновременно сбивали с толку,

как пророческий бред безумной вещуньи. Их совокупный смысл рождал неясную тревогу, порождаемую даже не содержанием, а ощущением душевного расстройства автора. Судя по всему, Аврора Дей надежно изолировалась ото всех в своем маленьком мирке, который воспринимала с полнейшей серьезностью. Я решил, что имею дело с богатой неврастеничкой, безмерно упивающейся собственными болезненными фантазиями.

Я просмотрел присланные листки, пропитанные ароматом мускуса. Откуда у нее эта забавная стилистика, эта архаичность?

«Восстаньте, пророки Земли,
Ко древним и вечным следам
Обеты свои возложите».

В некоторых метафорах ощущалось влияние Мильтона и Вергилия. Стихи заставляли вспомнить гневные филиппики прорицательницы из «Энеиды», которые она обрушивала на Энея, лишь только герой пытался передохнуть.

Я все еще не мог придумать, что мне делать с этими опусами (включая вторую порцию, которую шофер доставил ровно к девяти часам следующего утра), когда Тони Сапфайр пришел ко

мне, чтобы помочь завершить очередной номер журнала. Основное время он посвящал составлению программы автоматического романа у себя в Западной Лагуне, но два дня в неделю неизменно уделял «Девятому Валу».

Когда он пришел, я проверял соответствие внутренних рифм в венке сонетов Зиро Пирса, изготовленных на автоверсе фирмы Ай-Би-Эм. Пока я возился с таблицей контроля матрицы рифм, Тони поднял со стола розовые листки с творениями Авроры.

— Запах изумительный, — уронил он, обмахиваясь листками. — Своеобразный способ приручить редактора.

Он прочел несколько строчек, поморщился и положил листки на место.

— Ну и ну! Что это?

— Я и сам не совсем понимаю, — ответил я. — Что-то вроде «эха в саду камней».

Тони прочел подпись на последнем листе.

— Аврора Дей. Видно, новая подписчица. Правда, она спутала «Девятый Вал» с «Автоверс Таймс». Ты только посмотри: «Ни гимны, ни псалмы, ни мусор слов пустых не воздадут хвалы царице ночи...» Что это все должно означать?

Я улыбнулся. Как и другие современные пи-

сатели и поэты, Тони столько времени провел со своим автоверсом, что напрочь позабыл о блаженных временах, когда стихи еще писали вручную.

— Очевидно, это стихи.

— Ты хочешь сказать, что она написала их сама?

— Вот именно, — я кивнул. — Этот способ был весьма популярен в течение двух, а то и трех тысяч лет. Им пользовались Шекспир, Мильтон, Китс и Шелли, и у них, надо сказать, неплохо получалось.

— Но сейчас он ни к черту не годится. Во всяком случае, после изобретения автоверса. Особенно если располагать высокопроизводительной аналого-цифровой системой Ай-Би-Эм. Посмотри-ка сюда… как похоже на Эллиота. Такое невозможно написать всерьез.

— Я и сам думаю, что девица морочит мне голову.

— Девица? Да ей за сто лет, и она давно рехнулась. Весьма жаль. Впрочем, в ее безумии может быть какая-то система.

— Вернемся к работе, — сказал я.

В сатиристической стилизации Зиро под Руперта Брука не хватало шести строк. Тони ввел

в автоверс эталонную ленту, установил размер, схему рифмовки, словесные детерминаторы и включил процессор. Когда из принтера выползла лента с готовым текстом, он оторвал шесть строчек и подал мне. Я вклеил их в верстку, даже не читая.

Два часа мы работали не разгибаясь. Закончив тысячу строк уже к вечеру, мы сделали перерыв, чтобы промочить горло. Перейдя на веранду, залитую холодным ночным светом, мы уютно устроились в креслах, любуясь меркнущими красками заката и прислушиваясь к крикам песчаных скатов в темноте, опустившейся на виллу Авроры Дей.

— Что за перфоленты у тебя везде валяются? — спросил Тони. Он подхватил одну из них, и целый клубок лег на стеклянный столик.

— «…ни псалмы, ни мусор слов пустых не воздадут…»

Дочитав строку, он разжал руку, и ветер смел ленту прочь. Тони, прищурившись глядел в ту сторону, где за черными в темноте дюнами скрывалась пятая вилла. Единственный, как всегда, огонек в одном из окон второго этажа тускло освещал пучки перфолент, плывущих, словно водоросли, к моему дому.

Тони понимающе кивнул.

— Значит, здесь она и живет.

Он снял еще одну ленту, обвившуюся вокруг перил.

— Знаешь, старик, — сказал он, — ты полностью осажден.

Тони оказался прав. Бомбардировка стихами, все более туманными и эксцентричными, продолжалась изо дня в день, причем строго по графику: первую партию ровно в девять утра привозил шофер, вторая прилетала через дюны сама с наступлением вечера. Строки из Шекспира и Паунда больше не появлялись; вечерний ветер приносил вариации тех стихотворений, которые утром привозила машина; это были, очевидно, черновые наброски. Я тщательно изучил ленты и убедился, что Аврора Дей не использует автоверс. Материал, из которого были изготовлены ленты, быт стишком нежен, чтобы пройти через скоростной принтер компьютера, и буквы на лентах были не отпечатаны, а нанесены каким-то неизвестным способом.

Ежедневно, прочитав очередную порцию стихов Авроры, я складывал их в средний ящик стола. Наконец, собрав недельный рацион, я вложил их в конверт, надписал адрес — «Аврора Дей, дом 5,

Звездная улица, Пурпурные Пески», и отправил с тактичным отказом, в котором высказывал предположение, что автор получит значительно большее удовлетворение, опубликовав свои произведения в любом другом из многочисленных поэтических журналов.

В ту ночь мне приснился первый из целого ряда кошмаров, поджидавших меня впереди.

* * *

Утром я сварил крепчайший кофе и стал ждать, когда в голове наступит полная ясность. Я вышел на веранду, не понимая, что могло породить мрачные образы, терзавшие меня всю ночь. Вот уже несколько лет я спал, как дитя: крепкий сон без сновидений — одно из преимуществ здешней жизни. Более всего меня смущала внезапность кошмара. Неужели Аврора Дей, а точнее ее ненормальные вирши, задела мое сознание гораздо сильнее, чем я думал?

Головная боль долго не отступала. Я откинулся в шезлонге, рассматривая виллу Авроры Дей. Окна были закрыты, жалюзи опущены, маркизы убраны — башня из слоновой кости за семью замками. «Кто она, — спрашивал я себя, — и чего хочет добиться?»

Через пять минут от пятой виллы в мою сторону тронулся красный «кадиллак». Неужто снова стихи? Воистину эта женщина неутомима. Встретив шофера на крыльце, я принял тонкий конверт.

— Послушайте, — начал я как мог тактичнее, — мне не хотелось бы тормозить рост нового поэтического дарования, но вы… не сумели бы вы повлиять на свою хозяйку, чтобы… как бы поделикатнее выразиться… — Я помолчал, чтобы до него дошел смысл моих слов, и завершил: — Скажу честно: этот бесконечный мусор начинает мне сильно надоедать.

Шофер обежал меня хитрыми красными глазками, потряс крючковатым носом и скривил рот в хищном оскале. Грустно покачав головой, он захромал к машине.

Автомобиль тронулся, и я распечатал конверт. В нем оказался всего один листок.

«Мистер Рэнсом! Ваш отказ поразил меня. Убедительно прошу Вас пересмотреть свое решение: дело слишком серьезно. Стихи должны быть напечатаны в очередном номере журнала.

Аврора Дей»

В ту ночь снова накатились кошмары.

* * *

Следующая партия стихов была доставлена, когда я еще валялся в постели, пытаясь вернуться к реальности. Поднявшись, я приготовил большой стакан мартини, не обращая внимания на конверт, торчащий из-под двери, как бумажная бритва.

Приведя в себя в божеский вид, я вскрыл конверт и бегло посмотрел три коротких стихотворения. Они были ужасны. Как же убедить Аврору в том, что она напрочь лишена поэтического дара? Держа в одной руке стакан, а в другой стихи, я, не сводя глаз со строчек, добрел до веранды и рухнул в шезлонг.

Но тут же с воплем подпрыгнул, отбросив стакан. Я почувствовал под собою что-то пористое, большое, размером с подушку, но с твердыми краями. В шезлонге лежал огромный дохлый скат. Белое жало, еще не потерявшее смертоносной силы, на добрый дюйм торчало из кожистой сумки над черепным гребнем.

В бешенстве стиснув зубы, я прошел в кабинет, сделал на стандартном извещении об отказе приписку: «К сожалению, абсолютно неприемлемо. Рекомендуем обратиться к другому издателю», —

и запечатал его в большой конверт вместе со стихами Авроры. Через полчаса я уже был в Пурпурных Песках, где сдал пакет на почту. Вполне удовлетворенный, я вернулся к себе на виллу.

Этим же днем у меня на правой щеке выскочил огромный фурункул.

На следующее утро Тони Сапфайр и Раймонд Майо явились выразить свое сочувствие. Они говорили, что я слишком принципиален.

— Опубликуй хоть одно стихотворение, — посоветовал Тони, присев на край кровати.

— Ни за что!

Я посмотрел через дюны на пятую виллу. Ни души — лишь шевелится створка окна, изредка бросая солнечный блик.

Тони пожал плечами.

— Стоит тебе напечатать одну ее вещь, и она успокоится.

— Думаешь? — спросил я резко. — А я считаю, что у нее припасен добрый десяток эпических поэм, а то, что она прислала, это еще цветочки.

Раймонд Майо подошел к окну, надел черные очки и начал разглядывать виллу Авроры. Он выглядел даже более франтоватым, чем обычно, — темные волосы зачесаны назад, поворот головы неотразимо эффектен.

— Вчера я видел ее на психошоу, — задумчиво произнес он. — В ложе она была абсолютно одна. Смотрится потрясающе, даже представление дважды прерывали. — Он покивал собственным мыслям. — В ней есть нечто неконкретное, расплывчатое… она напоминает «Рождение Божества» Сальвадора Дали. Глядя на нее, начинаешь до конца понимать, как кошмарны женщины. Советую выполнить все, что она требует.

Я стиснул зубы и упрямо покачал головой.

— Убирайтесь, — сказал я. — Вы, авторы, презираете редакторов, но сами пасуете, стоит чуть нажать. Нет, я не отступлю. С моим-то опытом и волей я найду выход из положения. Эта сумасшедшая психопатка хочет навести на меня порчу. Думает, что дохлым скатом, фурункулом и ночными кошмарами она сведет меня с ума, поставит на колени.

Покачав головами и еще раз осудив мое упрямство, Тони и Раймонд покинули меня.

Через два часа фурункул исчез так же внезапно, как и появился. Не успел я разобраться в причинах этой метаморфозы, как из типографии приехал пикап с пятьюстами экземплярами свежего номера «Девятого Вала». Затащив коробки в гостиную, я раскрыл одну, не без ехидства вспо-

миная требование Авроры Дей опубликоваться именно в этом номере. Ей невдомек было, что последние гранки я передал в типографию за два дня до того, как ей приспичило напечататься, так что я не мог пойти ей навстречу, даже если бы захотел.

Раскрыв журнал, я начал с редакционной статьи — очередной работы в серии моих исследований о причинах прогрессирующего упадка современной поэзии. Но вместо десятка абзацев, набранных привычным скромным шрифтом, в глаза назойливо лезла строка гигантского курсива:

ПРИЗЫВ К ВЕЛИЧИЮ!

Ошеломленный, я посмотрел на обложку — тот ли журнал я получил? — и начал лихорадочно листать его.

Первое стихотворение я узнал сразу: прошло всего два дня, как я забраковал его. Три следующие я тоже читал и отверг. Затем шли вещи, которых я в глаза не видел, и все они были подписаны Авророй Дей. Они занимали почти весь журнал.

Поддельным был весь номер! В нем не сохранилось ни одного стихотворения из моей корректуры, все было подменено другими стихами.

Я бросился в гостиную и посмотрел еще десяток экземпляров. Все они были подложными.

За десять минут я перетащил коробки к мусоросжигателю, свалил в топку, облил бензином и устроил погребальный костер. Потом такой же экзекуции подверглась в типографии оставшаяся часть пятитысячного тиража.

Объяснить мне эту ошибку так никто никогда и не смог. Обнаружился экземпляр журнала на той же роскошной бумаге с инициалами Авроры Дей, но с редакторской правкой, сделанной моей рукой! Что же касается моих гранок, то работники типографии уверяли, будто вообще его не получали.

Когда бурное пламя поднялось высоко к жаркому солнцу, сквозь дым я заметил суету на вилле моей соседки. Растворились настежь окна под натянутыми маркизами, на веранде заметался горбун-шофер. Хозяйка виллы в белых одеждах, окутывавших ее сверкающим облаком, стояла на плоской крыше и сверху смотрела на меня. Была ли причиной солидная доза «мартини», выпитая натощак, недавний уродливый фурункул на щеке или пары бензина, не знаю, но, возвращаясь в дом, я вдруг покачнулся, сел на ступени и ощутил, что теряю сознание.

Через несколько секунд я пришел в себя. Опершись о колени локтями, я пристально смотрел на нижнюю ступеньку. На синей прозрачной поверхности виднелись четко вырезанные буквы:

«Отчего так ты бледен,
Возлюбленный мой безрассудный,
О скажи мне, молю, отчего?»

До глубины души возмущенный таким вандализмом, я встал и вынул из кармана халата ключ. Поднеся его к замочной скважине, я увидел еще одну надпись, на этот раз на бронзовой пластине замка:

«Ключ не спеша поверни
В смазанном жиром запоре…»

Черная кожаная обивка двери тоже была покрыта надписями. Изящные строки бессистемно скрещивались образуя филигранный орнамент.

Захлопнув дверь, я прошел в гостиную. Стены казались темнее обычного, потому что все они были покрыты рядами ювелирно вырезанных букв — бесконечные стихотворные строки спускались от потолка к полу. Я поднял со стола бокал и поднес его ко рту. По голубому хрусталю от края

к основанию вилась змейка таких же каллиграфических букв:

«О, выпей меня без остатка очами…»

Стол, абажуры, книжные стеллажи, клавиши пианино, стереопластинки — все в комнате было густо исписано.

Я закачался, поднял руку к глазам и оцепенел: вытатуированные строки, как рассвирепевшие змеи, обвивали кисть и предплечье. Бросив бокал, я кинулся к зеркалу, висевшему над камином, и увидел свое лицо в немыслимой татуировке — живая рукопись, в которой невидимое перо прямо у меня на глазах выводило стихотворные строки:

«Прочь, змеи с разящим раздвоенным жалом.

Прочь, племя паучье, плетущее сети…»

Я отшатнулся от зеркала, промчался через террасу, оскальзываясь на клубках цветных лент, заброшенных вечерним ветром, и перепрыгнул через перила. За считанные секунды я был у пятой виллы, пронесся по темной аллее и остановился перед черной парадной дверью. Едва я коснулся звонка, как дверь отворилась, и я бук-

вально ввалился в знакомый холл.

Аврора Дей ждала меня в шезлонге у бассейна. Она кормила древних белых рыб, собравшихся у стенки. Когда я приблизился, она нежно улыбнулась рыбам и что-то шепнула им.

— Аврора! — взмолился я. — Ваша взяла! Ради всего святого, делайте, что вам угодно, только оставьте меня в покое.

Некоторое время она продолжала заниматься рыбами, никак не реагируя на меня. Страшная мысль пришла мне в голову: эти огромные белые карпы, которые так стремятся прикоснуться к пальцам Авроры, не были ли они некогда ее любовниками?

Мы сидели в закатных сумерках. За спиной Авроры длинные тени ложились на пурпурный холст Сальвадора Дали «Постоянство памяти». Рыбы не спеша пересекали бассейн.

Она поставила ультиматум: абсолютный контроль над журналом, личный диктат, включая отбор материалов для публикаций, Ни одна строчка не может появиться в «Девятом Вале» без ее санкции.

— Не волнуйтесь, — сказала она рассеянно. — Наш договор касается только одного номера журнала.

Как ни странно, она не стремилась напечатать собственные стихи — флибустьерская акция с последним выпуском имела лишь одну цель — сломить мое сопротивление.

— Вы считаете, что одного номера хватит? — спросил я, пытаясь понять, чего же она хочет.

Аврора лениво подняла взгляд, небрежно водя пальчиком с зеленым ноготком по глади бассейна.

— Это зависит от того, когда вы и ваши коллеги одумаетесь, наконец, и снова станете поэтами.

Узор на воде необъяснимым образом не расплывался, сохраняя четкие очертания.

Часы, проведенные мною с Авророй, были похожи на тысячелетия. За это время я рассказал ей о себе все и не узнал о ней почти ничего. Одно было несомненно; она жила и дышала поэзией. С непонятной одержимостью она считала себя лично ответственной за глубокий упадок этого искусства. Правда, средство, избранное ею для его возрождения, напоминало мне лекарство, которое много хуже болезни.

— Вам обязательно нужно познакомиться с моими коллегами. Приезжайте к нам, — пригласил я.

— Непременно, — ответила она. — Думаю, что

буду им полезна — ведь им предстоит столькому научиться…

Я улыбнулся.

— Боюсь, что у них другое мнение. Любой из них мнит себя виртуозом. Для них нет такой проблемы, как, скажем, поиск идеальной формы сонета — компьютер исчерпал ее много лет назад.

Аврора состроила презрительную гримасу.

— Они не поэты, а обыкновенные технари. Посмотрите сборники этой, с позволения сказать, поэзии. На три страницы текста — тридцать листов программного обеспечения. Одни вольты и амперы. Когда я упрекаю их в невежестве, то говорю о душевной глухоте, а не о владении техникой стихосложения, я говорю о духе поэзии, а не о форме. — Аврора замолчала и потянулась всем своим удивительным телом — так удав проверяет, туги ли его кольца, — потом нагнулась ко мне и заговорила подчеркнуто серьезно:

— Поэзию убили не машины, а сами поэты, переставшие искать источник подлинного вдохновения.

— Но что есть подлинное вдохновение? — спросил я.

Она грустно покачала головой:

— И вы еще смеете называть себя поэтом?

Пустым, отсутствующим взглядом она смотрела в бассейн. На краткое мгновение на ее лице мелькнула глубокая скорбь, и я ощутил, что ее тяготит чувство горькой беспомощности, будто она лично повинна в том, что поэзию поразил тяжелый недуг. И я сразу же ощутил, что больше не боюсь ее.

— Вы слышали легенду о Меландер и Коридоне? — вдруг спросила Аврора.

— Что-то припоминаю. Меландер была феей поэзии. А Коридон… кажется, он был придворным поэтом, покончившим с собой ради нее?

— Уже неплохо, — сказала она. — Хоть что-то вы знаете. На самом же деле случилось так, что все придворные поэты потеряли свое вдохновение, и прекрасные дамы отвернулись от них, высказывая предпочтение рыцарям. Поэты пожаловались фее поэзии Меландер, но та сказала, что сама наложила на них заклятие за их самонадеянность и забвение источника поэзии. Поэты пытались протестовать, утверждая, что они ни на миг не забывали о своей фее, что было наглой ложью, но Меландер не поддалась на обман и объявила, что вернет им поэтический дар, лишь когда один из поэтов пожертвует ради нее своей жизнью. Конечно, никто не пожелал расстаться

с этим светом, кроме юного и талантливого Коридона. Он любил Меландер и один не утратил поэтического дара. Но ради остальных поэтов он убил себя… — к великой скорби Меландер. Фея не верила, что он пожертвует жизнью ради поэзии.

— Красивый миф. Но, боюсь, в нынешнем мире Коридона трудно найти.

— Посмотрим, — тихо молвила Аврора. Она опустила руку в бассейн. Разбуженные блики побежали по стенам и потолку, гостиную опоясал фриз на сюжет легенды, только что рассказанной Авророй Дей. На первой фреске, левой от нас, трубадуры и миннезингеры окружали фею — стройную женщину в белоснежных одеждах, точную копию хозяйки виллы. Скользя взглядом по фризу, я лишний раз убеждался в поразительном сходстве Авроры Дей с феей поэзии и решил, что художник писал Меландер с Авроры. Не считала ли она себя божественным существом? И кто был ее Коридоном? Может быть, сам живописец? Я всмотрелся в рисунки. Вот он, поэт, добровольно ушедший из жизни, — гибкий юноша с длинными белокурыми прядями. Я не узнал модель, хотя было в его лице что-то знакомое. Зато другая фигура — она присутствовала на всех фресках позади главных персонажей — узнавалась без-

ошибочно: это был шофер с лицом старого сатира, козлиными ногами и с неизменной свирелью — он был Паном.

Я стал замечать что-то знакомое и у других персонажей, но Авроре не понравилось мое слишком пристальное внимание, и она вынула руку из бассейна. Вода успокоилась, блики погасли, и фрески растаяли во мраке. С минуту Аврора внимательно изучала меня, словно пыталась вспомнить, кто я такой.

Тень утомления и отрешенности омрачила ее прекрасное лицо — древняя легенда напомнила о пережитых страданиях. Сумрачнее сделались коридор и застекленная веранда, как бы разделяя настроение хозяйки виллы. Казалось, что она властвовала над окружающим настолько, что даже воздух бледнел, когда бледнела она. И вновь я ощутил, что мир, в который я оказался вовлечен, целиком иллюзорен.

Аврора задремала, и все вокруг погрузилось в полумрак. Померк свет, источавшийся бассейном. Хрустальные колонны, поблекли, погасли, превратившись в обычные тусклые подпорки. Лишь драгоценная брошь, изображавшая экзотический цветок, продолжала светиться на груди Авроры.

Я встал, тихо подошел к ней и заглянул в странное лицо — гладкое и серое, как у египетских статуй, забывшихся в каменном сне. У двери топталась горбатая фигура шофера. Низко опущенный козырек скрывал его лицо, но настороженные глазки краснели, как два уголька.

Мы вышли, осторожно пробрались между сотен спящих скатов, усыпавших светлый под луной пустырь, добрались до машины. «Кадиллак» бесшумно тронулся.

* * *

Вернувшись к себе, я первым делом прошел в кабинет, чтобы набросать макет заказанного номера. Уже в автомобиле я вчерне продумал основные темы и систему ключевых образов для автоверсов. Все компьютеры были запрограммированы для работы в скоростном режиме, так что уже через сутки я рассчитывал получить том трагедийно безумных и меланхолически бредовых опусов, которые должны были покорить Аврору искренностью, изящной простотой и одухотворенностью.

Перешагнув порог кабинета, я наткнулся на что-то острое. Нагнувшись, я даже в темноте понял, что это край печатной платы с компью-

терной схемой, буквально вколоченной в пол. Повернув выключатель, я обнаружил, что какой-то психопат в дикой злобе раздробил в мелкие обломки все три моих автоверса.

В своей беде я был не одинок. Утром, когда я сидел за столом, тупо глядя на изуродованные автоверсы, задребезжал телефон, и я узнал, что волна варварских погромов пронеслась по всей Звездной улице. У Тони Сапфайра вдребезги расколотили пятидесятиваттный аппарат фирмы Ай-Би-Эм. Четыре новейших компьютера фирмы «Филко» — собственность Раймонда Майо — были так искорежены, что о ремонте ничего было и думать. Насколько я понял, в Пурпурных Песках не осталось ни одного целого аппарата. Накануне между шестью вечера и полуночью некто неизвестный губительным смерчем пронесся по курорту, по тем виллам и домам, где были автоверсы, и педантично уничтожил компьютеры.

Я знал, кто это был. Вчера, выходя из «кадиллака» Авроры, я заметил на сиденье у шофера два тяжелых гаечных ключа. Но в полицию я заявлять не стал. Выпустить очередной номер «Девятого Вала» стало теперь практически немыслимо. В типографии я узнал, впрочем, как и предполагал, что все стихи Авроры Дей загадочным образом

исчезли. Заполнять номер было нечем, а пропустить хоть один месяц значило почти наверняка растерять всех подписчиков.

Я позвонил Авроре и обрисовал ей обстановку:

— У нас осталась неделя, не больше. Если мы в нее не уложимся, все контракты будут разорваны, я навсегда потеряю доверие подписчиков, а неустойки разорят меня. Что вы можете посоветовать как наш новый главный редактор?

Аврора усмехнулась.

— Надеюсь, вы не думаете, что я могу каким-то образом починить обломки ваших машин?

— Это было бы неплохо, — ответил я, взмахом руки приветствуя входящего Тони Сапфайра. — Иначе номер не выйдет в свет.

— Почему же, — сказала Аврора. — Ведь есть очень простой выход.

— Неужели? Может быть, подскажете, какой?

— Напишите стихи сами! — расхохоталась она. — По моим подсчетам, на Пурпурных Песках живет два с половиной десятка физически здоровых рифмоплетов, именующих себя поэтами. Именно столько домов были разгромлены накануне. Так пусть пострадавшие займутся своим прямым ремеслом — начнут сочинять стихи.

— Аврора, — пытался протестовать я, — оду-

майтесь, сейчас мне не до шуток…

Но она уже повесила трубку. Повернувшись к Тони, я обессиленно откинулся в кресле, грустно разглядывая чудом уцелевшую катушку с лентой из разбитого автоверса.

— Похоже, я погиб, — сказал я. — Это же надо придумать: «Напишите сами!»

— Она ненормальная, — согласился Тони.

— Да, — грустно подтвердил я, — у нее навязчивая идея. Воображает себя феей поэзии, сошедшей на грешную землю, дабы возвратить искру божью реликтовому племени поэтов. Вчера она вдохновенно пересказывала легенду о Меландер и Коридоне. Не удивлюсь, если узнаю, что эта дама всерьез ожидает, чтобы какой-нибудь юный поэт отдал за нее жизнь.

Тони согласился.

— Правда, Аврора кое-что упустила. Полсотни лет назад отдельные оригиналы еще писали стихи сами, но таких стихов не читал уже никто. Теперь уже никто сам не пишет. Зачем, когда есть автоверс?

Я согласился, хотя в этом вопросе Тони был не вполне объективен. Он был глубоко убежден в том, что современные литературные произведения не только совершенно непонятны читателям,

но не могут быть даже толком написаны. Его автоматический роман был рассчитан на десять с небольшим миллионов слов. По его мысли, роман должен был пополнить коллекцию тех колоссов на глиняных ногах, которые, как гигантские башни, возвышаются вдоль всего пути развития литературы, повергая в ужас незадачливых путников. На горе себе, Тони не потрудился распечатать свой шедевр, а барабан машинной памяти, где он был закодирован, уничтожили во время вчерашнего налета.

Мне тоже здорово досталось. Один из моих автоверсов уже довольно давно проводил транслитерацию «Улисса» Джойса при помощи древнегреческого алфавита. Это забавное академическое упражнение имело целью дать объективную оценку знаменитого романа, установив степень соответствия его транслитерации языку гомеровской «Одиссеи». Весь этот труд тоже безвозвратно погиб.

Мы сидели, глядя на пятую виллу под ранними солнечными лучами. Ярко-красного «кадиллака» не было видно — должно быть, Аврора разъезжала по Пурпурным Пескам, привычно восхищая завсегдатаев кафе. Я прошел на террасу, присел на перила и снял трубку телефона.

— Обзвоню-ка я всех, прикинем наши перспективы.

Я набрал первый номер.

— Написать самому? — переспросил Раймонд Майо. — Пол, ты спятил.

— Самому? — рассмеялся Зиро Парс. — О чем говорить, одной левой. Ха-ха-ха!

А Фэрчайлд де Миль сказал:

— Это выглядит весьма экстравагантно, но…

Курт Баттеруорт протянул с легкой издевкой:

— А сам-то ты не пытался? Может, научишь?

Марлен Маклинтик испугалась:

— Милый, я не пойду на такое: вдруг это повлечет травму какой-нибудь мышцы. Как тогда я буду выглядеть?

Сигизмунд Лютич сказал:

— Нет, старик, я все это давно забросил. Перешел на электронную скульптуру. Представляешь себе — плазменные модели космических катаклизмов.

Робин Сандерс, Макмиллан Фриболи и Анхель Пти ответили коротко: «Нет».

Тони принес мне бокал «мартини», и я возобновил свои попытки.

— Бессмысленно, — сказал я наконец, бросая трубку. — Никто теперь сам не пишет. Хватит

прятаться от правды. Да и чего требовать от других, когда мы сами беспомощны, как слепые котята.

Тони ткнул в записную книжку.

— Остался еще один. Позвони и ему для порядка.

— Тристрам Колдуэлл… — вспомнил я. — Этакий робкий мальчик с атлетической фигурой. У него вечно что-то ломалось в автоверсе. Что ж, попытка не пытка.

На звонок ответил мелодичный женский голос:

— Тристрам? Да, похоже, он где-то здесь.

Послышались звуки любовной возни, аппарат раза два упал на пол. Наконец Колдуэлл овладел трубкой.

— Привет, Рэнсом. Чем могу служить?

— Тристрам, — сказал я, — думаю, что вчера тебе, как и всем прочим, нанесли неприятный визит. В каком состоянии твой автоверс?

— Мой автоверс? В отличном.

— Что?! — завопил я. — Твой автоверс невредим? Тристрам, соберись и слушай меня, не отвлекаясь ни на секунду.

Я кратко ввел его в курс дела. Он рассмеялся.

— Вот забавно, правда? Отличная шутка! А ведь

она права: может быть, пришел срок вернуться к старому доброму ремеслу.

— К черту старое доброе ремесло! — охладил я его. — Главное для меня сейчас — вовремя сверстать номер. Если твой автоверс работает, мы спасены.

— Хорошо, Пол, дай мне пару минут, чтобы посмотреть на аппарат. Последнее время мне было не до него.

По звуку шагов и нетерпеливым воплям девушки, которую Колдуэлл урезонивал издалека, мне показалось, что он пошел во двор. Стукнула дверь, послышался странный скрежет, как будто перебирали груду металлолома. «Странное место избрал Тристрам для хранения автоверса», — подумалось мне. В трубке что-то затрещало.

Наконец Тристрам вернулся к аппарату.

— Мне очень жаль, Пол, но, похоже, она побывала и у меня. Автоверс превращен в кучу обломков. — Он помолчал немного, слушая проклятия, которыми я облегчал душу, а затем сказал: — А она всерьез говорила, чтобы писать самим? Ведь ты именно об этом спрашивал?

— Конечно, — ответил я. — Поверь, Тристрам, я готов напечатать любую чушь, лишь бы Аврора одобрила ее. Не завалялось ли у тебя что-нибудь

такое?

Тристрам фыркнул в трубку.

— А знаешь, старина, завалялось. Я уже отчаялся это издать, но, к счастью, еще не выкинул. Сделаем вот как: я кое-что подправлю и завтра доставлю тебе. Пяток сонетов, парочка баллад… Надеюсь, это тебя выручит.

* * *

Следующим утром я открыл пакет с творениями Колдуэлла и уже через пять минут понял, что он жульничает.

— Узнаю нашего лукавого Адониса, — сказал я Тони. — Знакомые ассонансы и женские рифмы, характерно плавающая цезура… Все ясно: изношенная головка принтера и пробитый конденсатор выпрямителя. Уже не один год я подчищаю эти огрехи. Значит, его автоверс все же работает!

— И что ты собираешься делать? — спросил Тони. — Ведь он будет стоять на своем.

— Само собой. Впрочем, и из этого материала можно кое-что использовать. Да пусть хоть весь номер состоит из стихов Тристрама Колдуэлла!

Я начал складывать листки в пакет, чтобы отнести к Авроре, как вдруг на меня нашло озарение.

— Тони, есть блестящая мысль! Отличный способ излечить эту стерву от иллюзий и заодно рассчитаться с нею. Используем Тристрама и внушим Авроре, что все его стихи написаны от руки. Стиль у него архаичный, темы — как раз в ее вкусе. Только посмотри: «Поклонение Клио», «Минерва Двести Тридцать Первая», «Немотствующая Электра». Аврора согласится все это издать, к концу недели выйдет тираж, а потом — только вообрази! — выяснится, что эти стишата — якобы крик растревоженной души Тристрама Колдуэлла — не более чем размноженный типографией продукт полуисправного автоверса, бормотание разлаженного компьютера.

— Отличная идея! — радостно подхватил Тони. — Будет ей урок на всю жизнь. Думаешь, она клюнет на эту приманку?

— А чем мы рискуем? Ведь она абсолютна убеждена, что мы все сядем за столы, дружно очиним перья и накропаем серию классических образцов поэтического творчества на темы «День и ночь», «Зима и лето» и так далее в том же духе. Какую бы чушь ни выдал Колдуэлл, Аврора примет ее с восторгом. А ведь наш договор касается единственного выпуска, за который отвечает она сама. Должна же она где-то брать материал.

Мы тут же и начали. Весь день я накручивал Тристрама рассказами о бурном восторге, который вызвали у Авроры его стихи, и о том, с каким нетерпением она ждет его новых произведений. На следующий день поступила очередная партия: к счастью, все творения Колдуэлла были написаны от руки, а выцветшие чернила исключали всякое подозрение в том, что они прошли через автоверс. Меня это только радовало, ибо укрепляло версию о самостоятельности автора. Восторг Авроры был неподделен, она не высказала ни малейших сомнений насчет авторства, ограничась несколькими непринципиальными замечаниями.

— Но мы всегда корректируем текст перед публикацией, — сказал я Авроре. — Система образов в оригинале не может быть безукоризненной, к тому же число синонимов в данном тезаурусе чересчур велико… — Тут я опомнился и быстро поправился: — Будь автор хоть человек, хоть робот, принципы редактирования неизменны.

— Неужто? — спросила Аврора, не скрывая насмешки. — И все же мы оставим все именно так, как написал автор.

Я не рискнул оспаривать ее позицию, впрочем, достаточно уязвимую; просто подхватил одоб-

ренные рукописи и поторопился к себе. Тони тем временем терзал телефон, выжимая из Тристрама новые порции стихов. Прикрыв трубку рукой, он поманил меня.

— Тристрам скромничает. Думаю, он хочет повысить ставку. Клянется, что больше ничего не сочинил. Может, выведем его на чистую воду?

— Рискованно, — возразил я. — Если Аврора узнает, что мы вытворяем, она может выкинуть любой фортель. Дай-ка его мне. — Я взял трубку. — Тристрам, что случилось? Времени мало, а материала у нас не хватает. Укороти строку, старина, стоит ли тратить ленту на александрийский шестистопник?

— Что ты имеешь в виду, Пол? Я поэт, а не завод. Я пишу лишь тогда, когда твердо знаю, что и как сказать.

— Звучит прекрасно, — парировал я, — но у меня еще пятьдесят пустых полос, а в запасе всего несколько дней. Ты дал материала на десять полос — ну, и продолжай в том же духе. Сколько ты сделал сегодня?

— Работаю над сонетом… мне кажется, там есть кое-какие открытия. Между прочим, я посвятил его Авроре.

— Великолепно, — сказал я. — Не забывай о

лексических селекторах. И чти золотое правило: идеальное предложение содержит одно-единственное слово. Что у тебя еще есть?

— Да ты что! Больше пока ничего. Отделка сонета займет неделю, а то и год.

Я чуть не проглотил телефонную трубку.

— Тристрам, что случилось? Ты не заплатил за свет? У тебя отключили электричество?

Вместо ответа Колдуэлл повесил трубку.

— Один сонет в день, — сказал я Тони. — Господи, да он, похоже, и вправду перешел на ручной режим. Он сошел с ума: ведь в этих устаревших схемах сам Эдисон не разберется.

Оставалось лишь ждать. Следующий день не принес новых стихов, второй — тоже. Слава богу, Аврору это ничуть не встревожило. Взыскательность Тристрама ее даже обрадовала.

— Вполне достаточно даже одного стихотворения, — заявила она. — Ведь это завершенное, законченное выражение своего «я», не нуждающееся в каких-нибудь добавлениях. В нем запечатлена частица вечности. — Аврора задумчиво расправила лепестки гиацинта. — Может быть, он нуждается в каком-то поощрении? — спросила она.

Было ясно, что она хочет познакомиться с Три-

страмом.

— А вы пригласите его к обеду! — пустил я пробный шар.

Аврора расцвела.

— Я так и сделаю, — решила она и протянула мне телефонную трубку.

Звоня Колдуэллу, я ощущал зависть и обиду. Знакомые рисунки на фризе, как и прежде, рассказывали о Меландер и Коридоне, но я был слишком углублен в себя и не ощущал приближения трагедии.

Все следующие дни Тристрам и Аврора не разлучались. По утрам горбатый шофер увозил их в Восточную Лагуну на пустующие киносъемочные площадки. Вечерами, сидя один на своей веранде, я следил за огнями пятой виллы, и до меня доносились едва внятные отрывки их бесед и тихие музыкальные фразы.

Я бы солгал, сказав, что их связь ранила меня; преодолев первую вспышку огорчения, я стал безразличен ко всему этому. Вероломное курортное утомление овладело мною, я погрузился в безнадежное отупение, ни надежда, ни разочарование не тревожили меня.

Потому, когда через три дня после своего знакомства Тристрам и Аврора предложили нам

всем поохотиться на песчаных скатов в Восточной Лагуне, я охотно принял приглашение, рассчитывая рассмотреть эту пару поближе.

Начало пути не предвещало неприятностей. Влюбленные сели в «кадиллак»; мы с Раймондом Майо следовали за ними в «шевроле» Тони Сапфайра. Через заднее голубоватое стекло их машины видно было, что Тристрам читает Авроре свежий панегирик. Оставив машины, мы направились к абстрактным кинодекорациям, открывавшим песчаные лабиринты. Тристрам и Аврора нежно взялись за руки. Весь в белом от костюма до пляжных трусов, Тристрам выглядел щеголем из свиты Эдуарда VII на лодочной прогулке.

Шофер тащил корзины с едой, а Раймонд и Тони — сети и гарпунные ружья. За песчаными валами замерли в спячке тысячи скатов, их плоские тела блестели на солнце.

Мы устроились под тентом, и Раймонд с Тони предложили план охоты. Затем, соблюдая дистанцию, мы стали друг за другом спускаться к лабиринту. Тристрам взял Аврору под руку.

— Ты раньше не охотился на скатов? — спросил он меня, когда мы оказались в одной из нижних галерей.

— Ни разу, — сказал я. — Сегодня впервые. А ты, я слышал, знаешь в этом толк.

— Ну, если повезет, выживу, — и он показал на скатов, прицепившихся к карнизам над нашими головами. При нашем приближении они взлетали вверх с громкими хриплыми воплями. В тусклом свете можно было видеть белые жала, прячущиеся в складках тела. — Если их не дразнить, они, как правило, не приближаются, — объяснил Тристрам. — Мастерство в том и состоит, чтобы их не вспугнуть. Намечаешь одного и осторожно подбираешься к нему, пока не подберешься на расстояние выстрела, а он глазеет на тебя.

В узкой расщелине метрах в десяти справа от меня Раймонд Майо увидел большого пурпурного ската. Раймонд тихо направился в его сторону, убаюкивая хищника низким гудением и не отводя взгляда от грозного жала. Подождав, пока скат успокоится и спрячет свое оружие, Майо приблизился еще и, застыв в двух метрах от ската, старательно прицелился.

— А вы знаете, — шепнул Тристрам, обращаясь к нам с Авророй, — что сейчас Майо совершенно беззащитен? Если скат нападет, он не сможет обороняться.

Раздался выстрел. Стрела, попавшая в позвоночник, на несколько мгновений парализовала ската, и Раймонд быстро кинул его в сеть. Вскоре скат пришел в себя, забил пурпурными треугольными крыльями и вновь замер.

Мы пробирались по галереям и пещерам, небо то исчезало, то возникало далекой узкой полоской. Исхоженные тропы вели к амфитеатру странного песчаного города. Взлетающие скаты задевали крыльями стены, осыпая нас струями мелкого песка. Раймонд и Тристрам подстрелили еще несколько скатов, их тела наполнили сети, которые нес наш шофер. Незаметно наша компания распалась. Тони, Раймонд и шофер отправились по одной тропе, а я задержался с Авророй и Тристрамом.

Я заметил, что Аврора сосредоточилась, ее движения стали точнее и энергичнее. Мне показалось, что она искоса, но внимательно наблюдает за Тристрамом.

Наконец мы спустились в нижнее помещение лабиринта — сводчатый зал, от которого спиралями устремлялись вверх десятки галерей. Под сводами, в густой полутьме, недвижно висели тысячи скатов. Только их жала то фосфорически вспыхивали, то пропадали в кожистых сумках.

Метрах в шестидесяти от нас, в другом конце зала, из галереи вышли Раймонд Майо и шофер. Несколько секунд они поджидали. Вдруг раздался крик Тони. Раймонд выронил ружье и метнулся в галерею. Торопливо извинившись, я бегом через весь зал кинулся туда же. Они всматривались во тьму узкой галереи.

— Уверяю тебя, — горячился Тони, — эта тварь пела, я точно слышал!

— Такого не бывает, — возражал Раймонд.

Так и не договорившись, они решили оставить поиски загадочного поющего ската и возвратились в зал. Тут я и заметил, как шофер что-то прячет в карман. Этот урод с крючковатым носом и безумным взглядом, увешанный сетками с трепыхающимися скатами, будто сошел с картины Иеронима Босха. Обменявшись парой слов с Раймондом и Тони, я уже собрался возвратиться к Тристраму и Авроре, но в зале их не обнаружил. Не зная, в какую галерею они свернули, я заглядывал в каждую, пока не обнаружил их: они поднимались по наклонному выступу и были уже у меня над головой. Я решил возвратиться в зал и догнать их, но случайно увидел профиль Авроры — на нем застыло уже знакомое мне сосредоточенное выражение. Подумав, я тихонь-

ко пошел по спиральному проходу как раз под ними. Шорох непрестанно осыпающегося песка скрадывал мои шаги.

Очутившись почти рядом с ними, я услышал слова Авроры:

— Говорят, будто песчаных скатов можно приманить пением.

— Гм, очарованный скат? — молвил Тристрам. — Пожалуй, стоит попытаться.

Они двинулись дальше, Аврора нежно и взволнованно напевала что-то. Звук, отраженный стенами и потолком галереи, все усиливался, и в темноте слышно было, как шевелились скаты.

Чем ближе подходили мы к выходу, тем больше их становилось. Аврора с Тристрамом вышли на небольшую площадку под открытым небом. Окруженная стенами тридцатиметровой высоты, она напоминала залитую солнцем арену римского цирка.

Потом я потерял влюбленных из виду, возвратился чуть назад и поднялся на следующий уровень. Теперь арена была передо мной как на ладони.

Жуткий вопль заполнил песчаный лабиринт. Однотонный и всепроникающий, он напоминал об ужасных звуках, которые слышатся эпилептикам перед припадком. Внизу, на арене, Тристрам, зажав уши руками, пытался взглядом отыскать источник вопля.

На Аврору он уже не смотрел, а она застыла за его спиной, приняв позу медиума в трансе и уронив вдоль тела руки ладонями наружу.

Я оцепенел, околдованный ее обликом, как вдруг с нижних этажей лабиринта донесся леденящий кровь крик, затем — какофоническое хлопанье крыльев, и из галерей вырвалась огромная стая скатов. Ослепленные солнцем, потеряв ориентацию, они тучей кружили над головами Тристрама и Авроры.

Аврора вышла из транса и испуганно закричала, пытаясь прогнать скатов. Тристрам яростно отмахивался от них соломенной шляпой, свободной рукой прикрывая свою возлюбленную. Вдвоем они отходили к узкой щели в стене, надеясь спастись через галерею с другой стороны лабиринта. Посмотрев выше, я с удивлением обнаружил на краю отвесного уступа коренастую фигуру шофера. У него не было ни сетей, ни ружья, и он внимательно наблюдал за тем, что

творится на арене.

К тому времени сотни скатов, носящихся в воздухе, почти полностью скрыли от меня Тристрама и Аврору. Потом я увидел, как она показалась в проходе стены и в полном отчаянии покачала головой. Путь к бегству был отрезан! Тристрам жестом показал ей, чтобы она опустилась на колени, затем рванулся на середину площадки и яростно замахал шляпой, стараясь отогнать хищников подальше от Авроры.

Поначалу казалось, что ему это удастся. Скаты разлетелись, как чудовищные осы, но тут же снова бросились на Тристрама. Не успел я предостеречь его, как он упал. Скаты спикировали, зависли над неподвижным телом и, наконец, будто обретя свободу, рванулись ввысь.

Тристрам лежал неподвижно. Его белокурые пряди смешались с песком, руки были неестественно подвернуты. Быстрота развязки потрясла меня. Я перевел взгляд на Аврору.

Она тоже смотрела на Тристрама, но ее лицо не выражало ни потрясения, ни сочувствия. Подобрав подол, она повернулась и скрылась в проходе.

Значит, проход и раньше был открыт. Ошеломленный, я понял: Аврора специально показала

Тристраму, что хода к галереям нет, и заставила его принять бой со скатами.

Через минуту она уже была на верхнем ярусе. Рядом появился шофер в черной униформе. Бросив последний взгляд на неподвижное тело Тристрама, они скрылись из виду.

Я кинулся за ними, пытаясь громкими криками привлечь внимание Тони и Раймонда. Гулкое эхо перекатывалось по галереям. Добежав до выхода из лабиринта, я увидел, как всего в сотне метров от меня шофер усаживает Аврору в «кадиллак». Машина с ревом сорвалась с места и пропала в густых облаках пыли.

Я бросился к машине Тони, но, когда добежал, «кадиллак» оторвался уже на километр и несся через дюны с такой скоростью, будто за ним гнался дьявол.

* * *

Больше я никогда не встречал Аврору Дей. Я гнался за ней до шоссе, но на хорошей дороге «кадиллак» с легкостью оторвался от меня и через десяток километров пропал окончательно. У заправочной станции на повороте к Алому Пляжу я притормозил и спросил, не проезжал ли здесь красный «кадиллак». Заправщики видели его, но

оба утверждали, что он ехал в мою сторону. Не иначе как Аврора отвела им глаза.

Я решил проверить, не возвратилась ли она к себе на виллу, и поехал к Пурпурным Пескам, проклиная себя за легкомыслие. Почему я не почувствовал опасность? Как я, мнящий себя поэтом, не вдумался в фантазии другого поэта? Ведь Аврора буквально предрекала смерть Тристрама.

Пятая вилла по Звездной улице была пуста и молчалива. Скаты оставили аллею, темные стеклянные двери были распахнуты, по пыльному полу ползали обрывки лент. Мрак царил в коридоре и в гостиной, лишь белые карпы еще поблескивали в бассейне. Воздух был тяжелым и затхлым, словно в доме уже много лет не было живой души.

Я осмотрел фриз в гостиной и теперь узнал всех. Сходство было почти фотографическим. Тристрам был Коридоном, Аврора — Меландер, шофер — Паном. Среди остальных я легко нашел себя, Тони Сапфайра, Раймонда Майо и других жителей Звездной улицы.

Отвернувшись от фриза, я обогнул бассейн и направился к двери. Вечерело. Фары машин, проезжающих по Звездной улице, высвечивали стеклянные чешуйки на крыше моей виллы.

Когда я спускался с крыльца, порыв ветра пронесся по дому и захлопнул дверь за моей спиной: волшебница обронила прощальную реплику.

Я шел через пустырь, решительно попирая обрывки лент, влачившихся за мной, — может быть, так я демонстрировал желание возвратиться в реальный мир.

Обрывки безумных стихов Авроры Дей в последний раз являли себя свету и — умирающие осколки мечты — рассыпались под моими ногами.

В моем доме горел свет. Я вошел и увидел на веранде Тристрама Колдуэлла в том же белом костюме. Послав мне дружескую улыбку, Тристрам подмигнул и, не дав мне заговорить, поднес палец к губам.

Я приблизился и хрипло прошептал:

— Тристрам, слава богу, ты жив. Но объясни же, что там случилось?

Он улыбнулся.

— Прости, Пол, я знал, что ты следишь за нами. Аврора уехала?

Я кивнул:

— Мне не удалось догнать ее «кадиллак». А скаты тебя не тронули? Когда ты упал, я подумал, что тебе конец.

— Аврора тоже так решила. Вы мало знаете о песчаных скатах. В это время года их жала безвредны. Иначе кто бы рискнул войти в лабиринт? — Он усмехнулся. — Ты, конечно, знаешь легенду о Меландер и Коридоне?

Я так и рухнул на стул рядом с Тристрамом. Уже через пару минут я понял все. Аврора посвятила его в старую легенду, и он, отчасти по доброте душевной, отчасти шутки ради, решил сыграть роль Коридона. Рассказывая ей о смертельных жалах и злобном коварстве скатов, он провоцировал Аврору проверить, сможет ли ее избранник отдать за нее жизнь.

— Это было убийство, — сказал я. — Поверь мне — я видел, как сверкали ее глаза. Она жаждала твоей смерти.

Тристрам только пожал плечами.

— В этом нет ничего удивительного, старина, — сказал он. — Что ни говори, а поэзия — дело серьезное.

Ни Раймонд, ни Тони Сапфайр так и не узнали, как было дело. Тристрам наплел им, что с Авророй приключился неожиданный приступ клаустрофобии и она в панике бежала из лабиринта.

— Любопытно, — задумчиво сказал Колдуэлл, — что она будет делать дальше. Пророчество

ее исполнилось! Теперь она перестанет сомневаться в своих чарах. До сих пор она терзалась мучительным комплексом неполноценности. Как и Меландер, которую самоубийство Коридона глубоко потрясло, Аврора не разграничивала искусство и собственное «я».

Я кивнул.

— Может быть, теперь она смирится с тем, что поэзия будет по-прежнему создаваться неэстетичным компьютерным способом. Кстати, мне еще нужно набрать целых двадцать пять полос. Твой автоверс работает?

— У меня больше нет автоверса. Я расколотил его в то утро, когда ты мне позвонил. Да я все равно уже много лет им не пользуюсь.

Я так и подскочил на стуле.

— Как?! Значит, все твои сонеты написаны собственноручно?

— Точно, старина. Каждая строка рождена в творческих муках.

Стон отчаяния вырвался у меня из груди.

— А я-то надеялся, что твой автоверс выручит меня. Господи, что же мне делать?

Тристрам усмехнулся.

— Попытайся сам написать стихи. Вспомни ее прорицание… кто знает, а вдруг оно исполнится?

Ведь Аврора считает, что я умер ради нее.

Я от всей души выругался.

— Будь у меня такая надежда, я бы пожалел, что ты остался в живых. Ты себе представить не можешь, сколько мне это будет стоить.

Когда он ушел, я перебрался в кабинет и собрал все оставшиеся у меня стихи. Для номера не хватало двадцати трех полос. Удивительное совпадение: как раз столько же поэтов жило сейчас на Пурпурных Песках. И ни один из них — за исключением Тристрама Колдуэлла — не мог самостоятельно сочинить ни одной строчки.

Минула полночь, но мне было не до сна. До подачи злополучного номера «Девятого Вала» оставалось двадцать четыре часа, и каждая минута шла на вес золота. От безысходности я готов был сам что-нибудь сочинить, но тут раздался телефонный звонок. «Неужели Аврора?» — подумал я, услышав высокий, почти женский голос. Но это звонил Фэрчайлд де Миль.

— Что тебе не спится? — проворчал я в трубку. — Теряешь драгоценные минуты сна…

— Для этого есть веские причины. Пол, со мной сегодня случилось нечто невероятное. Тебе еще нужен материал, написанный вручную? Пару часов назад я взял перо, и — можешь себе предста-

вить? — получилось довольно прилично. Между прочим, моя героиня — Аврора Дей. Мне кажется, эта вещица тебе понравится.

Я от всей души поздравил его и записал число строчек.

Очередной звонок раздался через пять минут, звонил Анхель Пти. Он, оказывается, тоже сочинил несколько стихотворений и надеялся, что они подойдут мне. Все они тоже были посвящены Авроре Дей.

В следующие полчаса телефон непрестанно трезвонил. Все поэты Пурпурных Песков — Макмиллан Фрибоди, Робин Сондерс и прочие — вдруг почувствовали творческий зуд, неотвязную потребность самостоятельно сочинить нечто свое, оригинальное. В считанные минуты слагались стихи, посвященные Авроре Дей.

Я ответил на последний звонок, и, поднявшись из-за стола, попытался сообразить, что к чему. Было уже без четверти час ночи. Казалось, мне было отчего утомиться, но я чувствовал себя абсолютно свежим и бодрым, в голове носились тысячи оригинальных мыслей. Вдруг, как по наитию, сложилась поэтическая строка. Я сразу занес ее в блокнот.

Время словно остановилось. Через пять минут

я уже закончил первую часть стихотворения, которое мучило меня больше десяти лет. Еще дюжина золотинками в кварцевой жиле искрилась у меня в мозгу, ожидая мгновения, когда их выпустят на свет божий.

Было не до сна. Я потянулся к листу бумаги и тут увидел на столе конверт — мой заказ на три новых автоверса фирмы Ай-Би-Эм.

Расхохотавшись, я порвал конверт на мелкие клочки.

Перевод Д. Литинского
J.G.Ballard. "Studio 5, the Stars", 1961

Сб. Джеймс Боллард "Затонувший мир", Н.Новгород: Нижкнига, 1994 г.